

РОД, ЛИНИДЖ, ПАТРОНИМИЯ
(Из истории исследований социальной культуры
aborигенов Австралии и Океании в МАЭ РАН)

К концу первой половины XX в. в мировой науке стал заметно расти интерес к изучению первобытного общества, в частности его социально-экономических отношений, что нашло отражение в массе разнообразных трудов, вышедших в 1950–1970-х гг. Сотрудники отдела Австралии и Океании Музея антропологии и этнографии РАН не остались в стороне от поисков решений интересных и трудных проблем, встававших перед учеными в этой области исследований. Это прежде всего Бутинов Николай Александрович, Лихтенберг Юлия Михайловна и Кабо Владимир Рафаилович, который до начала 1980-х гг. работал в Ленинграде.

На период, о котором идет речь, в науке бытовало еще весьма слабое представление о сущности и характере взаимоотношений аборигенов, о структуре их обществ, и очень плохо был разработан понятийный аппарат. Нельзя не учитывать и факт стремительного изменения культуры аборигенов в результате влияния европейцев, вплоть до полного исчезновения некоторых институтов. В итоге исследователи могли непосредственно наблюдать далеко не все аспекты жизни изучаемых обществ. Советские ученые-исследователи зарубежных народов были лишены и этой возможности в силу географической удаленности от объекта исследований, круг их источников был фактически ограничен письменными свидетельствами путешественников и публикациями зарубежных коллег. В полной мере все это относилось и к изучению культуры аборигенов Австралии. Поэтому можно с уверенностью сказать, что условия, в которых решались задачи, стоявшие перед учеными отдела Австралии и Океании, были весьма нелегкими. Однако В.Р. Кабо полагал, что, во-первых, даже в тех случаях, когда традиционная социальная организация деформирована или разрушена, реконструкция ее доконтактного состояния вполне возможна. А во-вторых, воздействие более развитых обществ на менее развитые или смена природных условий существовали всегда, и задача ученых состоит также и в том, чтобы исследовать влияние различных факторов на развитие первичных обществ. Как было отмечено выше, в силу недостаточной разработки понятийного аппарата параллельно с исследованиями, касающимися определения социальной структуры австралийских аборигенов и взаимоотношения ее элементов,

также велась работа по определению терминов. Ключевыми понятиями здесь оказывались такие, как понятие общины (или локальной группы) и ее типов, рода, экзогамии, брачных классов (или секций). Проблемы, занимавшие советских исследователей, включали вопросы соотношения рода и общины как территориальной единицы, вопросы типологии родства и его связи с социальными группами, а также особое внимание уделялось патронимии.

В.Р. Кабо исследование общества австралийских аборигенов интересовало прежде всего с точки зрения общетеоретических построений в области истории первобытного общества. Иначе говоря, изучение культуры австралийских аборигенов он рассматривал как один из источников для реконструкции процесса истории первобытности от ранних стадий развития к появлению классового общества. В своих изысканиях он шел от частных к обобщениям. Поэтому ему важно было в конечном счете «освободить» конкретно-исторический материал по австралийским аборигенам от всего единично-конкретного, например от их локальных особенностей, чтобы затем, сопоставив с аналогичными структурами в других регионах мира, найти общие закономерности развития обществ подобного типа. В этом он видел задачу истории первобытного общества [Кабо 1979б: 62–66].

В.Р. Кабо рассматривает общество как единую систему, с учетом всей совокупности элементов. В то же время он, как и все советские ученые, настаивал на различении экономического базиса и надстройки в виде общественно-нормативных и идеологических институтов. Эта же позиция, естественно, присутствует и в трудах его коллег. Как известно, в основе отечественной науки лежало утверждение того, что экономический базис имеет первостепенное значение для развития общества. Соответственно элементы, непосредственно связанные с производственной частью жизни, рассматривались как первичные. Так, община в работах В.Р. Кабо выступает как стадияльно более ранний, чем род, социальный институт. Кроме того, он трактует общину не просто как основную социально-экономическую и структурную ячейку первобытного общества, но и как институт, наиболее полно выражающий типические черты первобытного общества. Другим исходным моментом в исследовании конкретных первобытных обществ, по мнению В.Р. Кабо, является осознание того, что первобытный социальный организм находится в непосредственной связи с экологической средой [Кабо 1979б: 70]. Австралийская община формируется в качестве основной ячейки социальной структуры в определенных условиях естественно-географической среды. Например, плотность населения в пустынных областях Австралии

низка, а территории, занимаемые локальными группами и достаточные для их прокорма, обширны; необходимо до 200 миль территории, чтобы поддержать жизнь одного человека. Поэтому в пустынных областях легче обеспечить свое существование небольшим группам, которые постоянно перемещаются по территории в поисках пищи [Кабо 1979а: 162–167].

В целом, структуру традиционного общества аборигенов Австралии исследователи представляли в следующем виде. *Локальная группа*, или *община* (в советской литературе эти понятия отождествляются), является основной социально-экономической ячейкой общества. Каждая локальная группа имеет свою территорию, границы которой хорошо известны членам группы и ее соседям. На этой территории они охотятся и собирают продукты питания. В то же время каждый член группы обладает определенным правом охоты на территории той локальной группы, откуда родом его мать или жена. Это социальные группирования, состоящие из отдельных семей, которые при необходимости образуют самостоятельные хозяйственные группы, обычно совпадающие с семьей. *Хозяйственная группа* — это форма существования общины в определенных экологических условиях, ограниченная во времени. То же можно сказать и о семьях, когда они существуют вне общины. Соответственно, общину (локальную группу) и род не следует отождествлять, они не совпадают даже там, где род локализован и основу общины составляют люди одного рода, поскольку мужа и жены в силу закона родовой экзогамии являются всегда представителями двух разных родов [Кабо 1979а: 155–156]. Соотношение общины с родом, в терминах В.Р. Кабо, определяется существованием двух типов общин: локально-родовой, обладающей единым ядром из представителей одного локализованного рода (Н.А. Бутинов называл этот тип «родовая община»), и гетерогенной, для которой не характерна такая форма единства. В.Р. Кабо не исключает, что исторически локально-родовые общины предшествовали гетерогенным, но, по его мнению, это всего лишь логическое допущение, не подтвержденное фактическими данными. Оно основывается на предположении, что родовая организация, одним из базовых признаков которой считается экзогамия, возникает внутри экзогамных общин и на их основе, а гетерогенные общины представляют собой более позднее усложнение элементарной первичной структуры [Кабо 1979а: 160].

Община первична по отношению к племени. Австралийское племя в конечном счете является территориально связанной совокупностью нескольких общин, объединяющихся в течение небольшой части года. Из чего следует, что все члены племени имеют общую территорию, ко-

торая является их общей экономической базой, и эту территорию члены каждой локальной группы защищают от вторжения других «чужих лиц», находящихся вне круга тех, кого они называют родственными терминами [Лихтенберг 1960а: 220]. С этнической точки зрения племя отличается общностью языка и традиционных межобщинных связей. Австралийское племя здесь еще не может рассматриваться как постаршая единица, его структура аморфна, поэтому оно характеризуется как находящееся на самой ранней стадии развития этого социального института [Кабо 1979а: 166].

Если с определением структуры общества австралийцев с социально-экономической точки зрения в целом все казалось более или менее ясно, то в отношении родовой организации, а также ее отношения к общине или локальной группе, возникали некоторые теоретические сложности. В этом направлении конкретные исследования проводились Н.А. Бутиновым и Ю.М. Лихтенберг. Н.А. Бутинова больше интересовало то, что связано с родовой организацией в целом, а Ю.М. Лихтенберг исследовала один из ее аспектов, а именно — родство, брачные классы («секции»). Это обусловлено стремлением понять механизмы социальных связей в архаическом обществе с тем, чтобы определить исторический момент возникновения его базовых институтов. Если для В.Р. Кабо предшествование локально-родовых общин гетерогенным является скорее умозаключением, основанным на анализе фактов, то для Н.А. Бутинова (такое складывается впечатление) данное положение является само по себе эмпирическим фактом. Это вытекает из его рассуждений о том, что патронимия выступает переходной стадией от родовой общины к большесемейной. Термин «большесемейная община», в свою очередь, не означает, что община обязательно состоит из одной большой семьи. Наоборот, чаще она может состоять из нескольких больших семей, каждая из которых экономически, социально и идеологически обособлена. То есть это то группирование, которое у В.Р. Кабо выступает под термином «гетерогенная община».

Патронимия состоит из нескольких объединенных общим происхождением больших семей, но проживающих в разных общинах [Бутинов 1968: 93], она дислокальна, в отличие от последних, хотя первоначально полагалось, что патронимия едина в территориальном и экономическом отношении. Позже в качестве связующих признаков остались общее имя, общие празднества и взаимопомощь [Бутинов 1968: 91]. В сущности, патронимия — это гипотетический социальный институт, который, по словам М.О. Косвена, введшего этот термин в советскую научную литературу, можно только реконструировать или даже лишь угадывать,

так как ученые застают его уже в состоянии распада в виде комплекса пережитков [Косвен 1963: 98]. Термин «патронимия» соответствует термину «линидж» в англоязычной литературе, отражая один из основных признаков этой социальной группы — общность происхождения от реального предка, который, как правило, также выступает в качестве эпонима данной группы. Кроме того, линиджи, как и патронимии, имеют тенденцию к разрастанию и далее «ветвятся», составляя систему, которую некоторые исследователи обозначают термином «рэמידж» (англ. *gamage* — ветвь) [Свод этнографических понятий и терминов 1986: 80–81]. Однако рэмиджи, хотя внешне функционально и схожи с линиджами, имеют отличие, заключающееся в счете родства и брачной норме. Если линиджи унилинейны и экзогамны, то рэмиджи — амбилинейны и неэкзогамны. Эту путаницу отчасти внес сам автор термина «рэמידж» Рэймонд Фирт, первоначально определив такую группу на о. Тикопия как унилинейную и неэкзогамную, что позже оказалось исключением на фоне общеполинезийского материала, но тем не менее термин попал в некоторые научные работы именно в этой трактовке. Впоследствии одни исследователи предпочли зарубежный аналог термину «патронимия» во избежание путаницы, а, например, Н.А. Бутинов посчитал вообще некорректным употребление терминов, отражающих деление родственных групп по признаку счета кровного родства, полагая родство, как оно понимается в изучаемых обществах, социальным по своей природе, а не биологическим (или кровным). С этой точки зрения рэмидж предстает как семейно-родовая община [Бутинов 1994: 65]. Таким образом, термин «патронимия», в конце концов, вышел из употребления в отечественной науке.

В том, что касается отличия патронимии от рода, в работах Н.А. Бутинова, во всяком случае этого периода, четких различий не указывается, тем более что определение рода как такового также оказывается спорным. Как писал сам Н.А. Бутинов в одной из статей, существует определенный набор признаков *рода* (общий предок, однолинейность, общее имя, родовая территория и экзогамия), но каждый из этих признаков — лишь некое правило на фоне довольно частых исключений, которых бывает так много, что подчас родовая норма с трудом поддается определению. Скорее всего, если считать патронимию синонимом линиджа, она оказывалась подразделением рода [Бутинов 1970: 25, 30].

В поисках решения этой проблемы особую важность приобретали факты, связанные с экзогамией и типами родства у аборигенов. *Экзогамия* обычно понимается как система брачных запретов между опре-

деленными категориями людей, связанных классификационным родством. Обратной стороной таких запретов являются правила, предписывающие брак между установленными категориями лиц. Понять *классификационное родство*, считал Н.А. Бутинов, — значит понять суть экзогамии. В своей статье «Типология родства» (1979) он определяет классификационное родство как результат сращивания кланового родства с семейным (генеалогическим). Под этими терминами понимаются два основных типа родства. Семейным родством, источником которого являются брак и рождение, Н.А. Бутинов называет то, что сегодня в литературе называется биологическим родством. А клановое родство, источник которого — совместный труд и коллективная собственность, примерно соответствует тому, что теперь называют социальным родством. Генеалогическое родство, устанавливающее за пределами семьи близкие и дальние связи с помощью генеалогий, Н.А. Бутинов полагает разновидностью семейного родства. По его мысли, рост генеалогических знаний может привести к тому, что различие некоторых категорий родства (например, по мужской и женской линии) в терминах будет утрачено. Так возникает родство классификационное [Бутинов 1979: 74]. Для него суть понятия классификационного родства заключается в объединении под одним термином группы родственников.

По мнению Ю.М. Лихтенберг, непонимание группового характера терминов родства у австралийских аборигенов (которое связано с учением Л.Г. Моргана о соответствии систем родства определенным формам брака) привело многих западных ученых к заключению о существовании т.н. аномальных форм брака, когда обязательными становятся браки между лицами разных поколений. Ю.М. Лихтенберг доказывает, что никакой аномалии здесь нет, ссылаясь на правило выбрать себе брачного партнера из группы родственников, объединенных одним термином родства, в которую входят представители разных поколений в силу определенных причин. Внутри этой группы родственников партнер подбирается соответственно реальному возрасту [Лихтенберг 1959: 35–37].

Ю.М. Лихтенберг подробно занималась вопросом взаимосвязи системы терминов родства, брачных классов (секций) и локальных групп австралийских аборигенов. На основе анализа терминов родства аборигенов яральде она показала, что эта связь существует, что ряд терминов выражает не индивидуальное родство, а принадлежность к определенной брачно-возрастной группе [Лихтенберг 1960б: 203–205]. Кроме того, из ее анализа следует, что система терминов родства яральде отражает состав родственников не абстрактных четырех брачных клас-

сов, а родственный состав четырех некогда существовавших локальных групп [Лихтенберг 1960б: 209]. Аналогичным образом она анализирует материалы по социальной организации арандаязычного населения. Если соотнести местные термины родства, согласно ее выкладкам, со всеми восемью брачными классами (секциями), то становится видно, что система терминов родства охватывает всех членов этих классов и что вместе они образуют эндогамное общество («племя»). Здесь в сфере внимания оказывается и такой аспект системы отношений родства, как система взаимных прав и обязанностей, в которую вовлечены все члены племени, чью общность, собственно, и отражает система терминов родства [Лихтенберг 1960а: 219–221]. Также нельзя не отметить вывод Ю.М. Лихтенберг о том, что, поскольку системы родства, подобные австралийским, имеют широкое распространение, то можно предполагать, что система брачных классов была некогда распространена более широко и не является особой формой социальной организации, присущей только австралийским обществам, где брачные классы были впервые открыты [Лихтенберг 1960а: 236–237].

В целом, если рассмотреть работы советских ученых, оказывается, что они не выходили далеко за рамки общемировой науки в вопросах, касающихся социальной организации первобытного общества. Как и для многих зарубежных ученых, для них был характерен системный подход к изучению социальных структур, согласно которому общество представлялось как комплекс взаимосвязанных элементов. Многие понятия имели свои аналоги в зарубежной научной литературе. Фактически различия наблюдались только в акцентах, которые расставлялись в соответствии с учением об историческом материализме. Хотя со времени этих исследований прошло почти полвека и какие-то положения и гипотезы устарели, тем не менее итоги большой работы, проведенной сотрудниками отдела Австралии и Океании МАЭ РАН в сфере социальной культуры аборигенов, остаются интересными и нужными для дальнейших исследований этого региона.

Бутинов Н.А. К вопросу о социальной организации полинезийцев (ответ оппоненту) // ЭО. 1994. № 6. С. 62–68.

Бутинов Н.А. Община, семья, род // Советская этнография. 1968. № 2. С. 91–95.

Бутинов Н.А. Проблема экзогамии (по австралийским материалам) // Родовое общество. Этнографические материалы и исследования. ТИЭ. Новая серия. М., 1951. Т. 14.

Бутинов Н.А. Род на Новой Гвинее // Австралия и Океания. История и современность. М., 1970. С. 25–34.

Бутинов Н.А. Типология родства // Проблемы типологии в этнографии. М., 1979. С. 66–75.

Кабо В.Р. Австралийская община // Прошлое и настоящее Австралии и Океании. М., 1979а. С. 139–171.

Кабо В.Р. Теоретические проблемы реконструкции первобытности // Этнография как источник реконструкции первобытного общества. М., 1979б. С.60–107.

Косвен М.О. Семейная община и патронимия. М., 1963.

Лихтенберг Ю.М. Австралийские и меланезийские системы родства (турано-ганованского типа) и зависимость их от деления общества на группы // ТИЭ. Новая серия. М.; Л., 1960а. Т. 54. С. 215–240.

Лихтенберг Ю.М. К вопросу о так называемых аномальных формах брака // Советская этнография. 1959. № 2. С. 31–37.

Лихтенберг Ю.М. Происхождение некоторых особенностей классификаторских систем родства (турано-ганованского типа) // ТИЭ. Новая серия. М.; Л., 1960б. Т. 54. С. 196–214.

Свод этнографических понятий и терминов. Социально-экономические отношения и соционормативная культура. М., 1986.